

ПИСЬМА А. Т. АВЕРЧЕНКО К. И. ЧУКОВСКОМУ

Письма публикуются по автографам, представленным в личном фонде № 620 «К. И. Чуковский» Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 620. Карт. 60. Ед. хр. 6. Л. 3, 5, 6).

В угловых скобках приводятся конъектуры публикатора. Авторские подчёркивания, а также особенности написания и пунктуации сохранены.

В квадратных скобках оформлены ссылки на примечания.

Благодарим за предоставленные материалы Елену Цезаревну Чуковскую и Юлию Борисовну Сычёву.

Для цитирования:

Аверченко, А. Т. Письма А. Т. Аверченко К. И. Чуковскому / Публикация и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 2 (9). С. 22–26.

1.

<Январь 1910 года [1]>

Милый Корней Иванович! Мне пришло в голову одно, не лишённое глубины и своеобразного остроумия, соображение: если Вы не любите театра, то почему же не должна любить его Марья Борисовна[2]? Если засилье мужского начала не имеет места в Вашем семейном быту, то желание Марии Борисовны посетить любой из петербургских (этого совр.<еменного> Вавилона!) театров по её выбору, совместно с Софьей Наумовной [3], мною, Медузой, Дамой, Волком и Ди-Аволо [4] — будет исполнено с той грацией и блеском в деталях, которая всегда выгодно отличает меня от других собратьев по перу... Обилие перечисленных мною людей, животных, духов и студенистых — не должно смущать Марию Борисовну: я просто возьму ложку. Если же согласитесь сопутствовать нам и вы, — то радости несчастных родителей не будет конца.

Истинно Ваш Аве.

Надеюсь, что вы меня не будете медлить. Ответьте. Привет от Софии Наумовны. Что касается Либровича, то при сем оконч.<ательно> о нём напоминаю.

P. S. Если вы забоялись театра, как бесовского игралища и кладезя непристойности, то оставляю свое гнусное предложение в силе насчёт

кинематографа. Кинематограф — очень интересное изобретение, — как остроумно выразился великий старик Лев Толстой.

[1] Датируем по упоминанию писателя С. Ф. Либровича, который в конце 1909 г. работал над критической статьей «Корней Чуковский как критик-карикатурист» («Вестник литературы». 1910. № 1). Для оформления статьи требовались шаржи на Чуковского из различных изданий и его фотография; возможно, Аверченко напоминал именно об этом. В письме от 1 декабря 1909 г. Чуковский просил жену: «Свези к Либровичу мои четыре карикатуры и карточки. Непременно» [17, с. 207]. Вторая привязка ко времени — финальное предложение, в котором обыгрываются слова Л. Н. Толстого, произнесённые им после киносеансов в Ясной Поляне 6–7 января 1910 г.

[2] Чуковская М. Б. (1880–1955) — жена К. И. Чуковского.

[3] Меттер С. Н. (1880–1973) — возлюбленная А. Т. Аверченко как минимум в 1908–1910 гг. Первое посвящение «С. М-р» появилось в рассказе писателя «Бойкий разговор» («Сатирикон». 1908. № 8). Позднее этой женщине Аверченко посвятил сборник «Зайчики на стене» (1910): «Светлому моему другу — Софье Наумовне».

В 1914 г. С. Н. Меттер вышла замуж за художника Ре-Ми (Н. В. Ремизова-Васильева). Подробнее см.: Вульфина, Л. Б. Неизвестный Ре-Ми: Художник Николай Ремизов. Жизнь, творчество, судьба. М. : Кучково поле, 2017. 304 с.

[4] Перечисляются псевдонимы Аверченко.

2.

<После 7 марта 1910 года [1]>

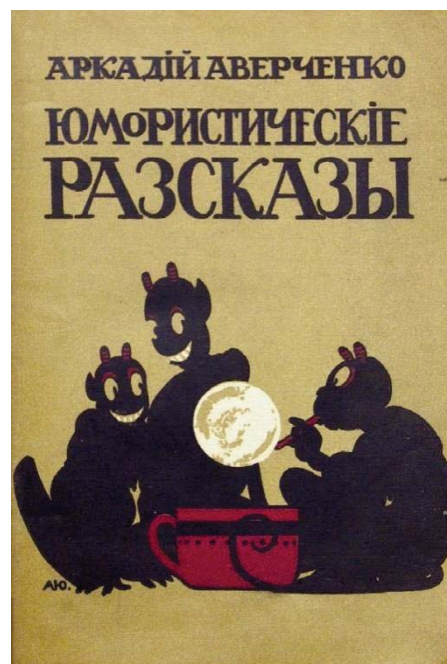
Милый Корней Иванович!

Посылаю Вам свою книжку [2]. Делаю это с немножко стеснённым сердцем, т. к. хотелось бы, чтобы она вышла не первой, а второй. Во вторую (шиповник) [3] отданы лучшие вещи. Ею бы и дебютировать.

Очень мне было бы дорого учесть Ваше мнение об общем тоне книжки, <1 слово нрзб.> и обложке [4]. Хотя бы открыточку. А?

Последние Ваши 3 фельетона привели меня в неистовый восторг. Так распять проклятую бабу — это многого стоит [5]. Чудесный другой фельетон: о Горьком [6]. Оглушительно-хорошее сравнение мужиков по Горькому с инженерами по Гилевичу. Люблю!

Милый Корней Иванович — есть к Вам простбишка: пришлите мне, если возможно,

Сборник «Юмористические рассказы», прилагавшийся к письму № 2.

текст В.<ашего> стихотворения «Говорит Горемыкин Аладьину» [7] ... Хочу я сделать курьёзный юмористич.<еский> фельетон (о том, как это стихотв.<орение> вбивалось всем в голову и нельзя было от него отделаться). Оно такое.

И ещё простбишка малая: пообедайте когда-нибудь с Марьей Борисовной [8] у нас. Многие грехи отпустятся Вам за это.

Ваш покорный раб и холопишка Аркашка Аверченко.

А «стружки»[9]-то, а? Обещали нам, а даёте в «Речь» [11]. Очень мило! Вот теперь Гессен а[10] и поколотят. А меня бы не поколотили!

[1] Датируем по упоминаемому выпуску рубрики «Литературные стружки», который относим к 7 марта 1910 г. Подробнее см. выше, в основном тексте статьи.

[2] Сборник «Юмористические рассказы», выпущенный М. Г. Корнфельдом, издателем «Сатирикона», в начале марта 1910 г.

[3] Сборник «Зайчики на стене», который будет выпущен издательством «Шиповник» в октябре 1910 г.

[4] Обложку, изображающую чертей, надувающих мыльные пузыри, выполнил А. Юнгер.

[5] Вероятнее всего, статья «Вербицкая», напечатанная в «Речи» 21 февраля 1910 г.

[6] Вероятнее всего, статья «Новый Горький», напечатанная в «Речи» 28 февраля 1910 г.

[7] Цитируется стихотворение К. И. Чуковского «Его апология», напечатанное в газете «Свобода и жизнь» 25 сентября 1906 г.

[8] См. примечание 2 к письму № 1.

[9] «Литературные стружки» — рубрика Чуковского в газете «Речь», в которой высмеивались и комментировались «ляпы» прессы и другие казусы. Здесь, по нашему мнению, упоминается выпуск от 7 марта 1910 г., повлекший за собой литературный скандал. Подробнее см. выше, в основном тексте статьи.

[10] «Речь» — газета конституционных демократов, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1906–1918 гг.

[11] Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — кадет, соредактор «Речи» (наряду с главой партии П. Н. Милюковым).

3.

<Конец апреля 1910 года [1]>

Миленький Корней Иванович! Ваше письмо (последнее) очень меня огорчило и обескуражило.

Я вовсе не думал, что оно так выйдет — со стихами-то — и был уверен, что Вы сами смотрите на них как на мелкую шутку, тем более, что сопроводили их письмом, которое сейчас нарочно хочу освежить в Вашей

памяти. Если бы не было этого письма (см. на обороте) я ни за что не напечатал бы стихов, будучи все время, с самого начала с Вами и за Вас (ей-богу, миленький, выходящие мои книги [2] не причина этому. Чёрт с ними!). Я просто очень люблю Вас, и те ушаты грязи и идиотских помоев, опрокинувшихся на Вас со стороны разных шулеров и <1 слово нрзб.> пера — были мне очень омерзительны, тяжелы, и я понимаю всю их незаслуженность.

Сразу было видно, что причина этому не пустячная заметка о «Мире» [3], а то — что у Вас масса мелких врагов, обрадовавшихся случаю, чтобы с визгом и криком наброситься на нагнувшегося за <2 слова нрзб.>. Мне страшно больно, что стихи Ирецкого [4] (ваш товарищ?!) так тяжелы для Вас — и напрасно вы делали к ним такую пометку. Вы меня сбили с толку. Сатириконе Вас любит, по-прежнему, разобрался в этом инциденте, и мы с удовольствием напечатали несколько №№ тому назад стихотв.<орение> Воинова о Иорданском (помните «Миропонимание») [5]. Что касается меня, то отношение моё к Вам прежнее — я очень, очень люблю Вас за Ваш светлый яркий талант, за то, что я Вас так часто понимаю и Вы мне очень близки по духу.

Я вам не отвечал несколько дней, потому что собирался каждый день приехать лично, да не мог: перед отъездом уйма работы. Я чрезвычайно хотел бы повидаться с Вами. Милый, приезжайте на днях с женой (кроме четверга) к Софии Наумовне [6] обедать. В 6 час. вечера. Сообщите открыткой — будем ждать. Крепко целую Вас.

Аверченко.

Я в понедельник уезжаю!!! Привет Марье Борисовне! Жду ответика.

А Брешко недавно чуть не был взят живым на небо. Уже метра на три поднялся! Чудеса в решете [7].

P. S. Ещё раз говорю, миленький, — в эти дни Ваших неприятностей я душевно с Вами и рад, что могу сказать: Чепуха! Перемелется — мука будет! Приветствую Вас. <подпись>

<Письмо рукой К. И. Чуковского на обороте>

Дорогой Аве!

Меня это нисколько не обижает, если хотите поместите.

Сочинил не я, а мой товарищ.

Ваш Чуковский

[1] Датируем по основному поводу для письма: публикации стихотворения В. Ирецкого «Из современных русских песен (На мотив «Погиб я, мальчишечка»)» в «Сатириконе» (№ 17) от 23 апреля 1910 г.

[2] См. примечания 2, 3 к письму № 2.

[3] См. выше, в основном тексте статьи.

[4] См.: Ирецкий В. Из современных русских песен (На мотив «Погиб я, мальчишечка») // Сатирикон. 23 апреля 1910. № 17. С. 3.

[5] См.: Воинов Владимир. «Миро»-понимание и «Миро»-ощущение // Сатирикон. 9 апреля 1910 г. № 15. С. 6.

I.

Если сам Корней ругается,
Значит, так и полагается...
Строгий критик возмущается:
«Мир» де много обещается,
А на деле обещания —
(Яркий признак обнищания)
Оказались милой шуткою,
Говоря короче, уткою».
Благосклонные читатели,
Трезвой мысли почитатели!
Напрягите-ка внимание:
Это — «Миро»-понимание.

II.

Если — «вызов» предлагается,
Значит так и полагается...
Не лишен чего-то «панского»
Милый способ Иорданского
Снять с журнала обвинения:
«Либо в „Речи“ извинения,
Либо я рукой умелою
Дырку в Гессене проделаю.
Раз обида мне нанесена —
Пришибить я должен Гессена!».
О, почтенные читатели,
Трезвой мысли почитатели!
Не впадайте-ка в смущение:
Это — «Миро»-ощущение!

[6] См. примечание 3 к письму № 1.

[7] Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874–1943) — писатель, публицист. Вероятнее всего, совершил или пытался совершить полёт во время Первой международной авиационной недели в Петербурге, открывшейся 25 апреля 1910 г.